

**ИГОРЬ
АЛЕКСЕЕВ**

**СПЕЦНАЗ БЕРИИ
ПЕРВЫЙ БОЙ**

МОСКВА
2022

*Наша главная ошибка этого года
заключалась в том,
что мы наступали на Сухиничи.
Не Сталинград и Кавказ,
не «генеральное наступление»
против Советского Союза в целом,
а Сухиничи!*

Адольф Гитлер.
12 декабря 1942 г.

*Каждый помнит по-своему, иначе,
и Сухиничи, и Думиничи,
и лесную тропу на Людиново —
обожжённое, нелюдимое...*

Семён Гудзенко.
1942 г.

ПРОЛОГ

В квартире 97-летнего ветерана раздался телефонный звонок. Сиделка подала трубку:

— Вас, Евгений Александрович.

Ему звонили нечасто. В основном перед 9 Мая и в сам праздник. В эти дни вспоминали сразу все: телеканалы, газеты, школы, активисты. Впрочем, был ещё один день — 7 Ноября. Накануне он традиционно получал приглашение от правительства Москвы на реконструкцию парада, в котором участвовал в далёком 1941 году. И неизменно откликнулся на это приглашение, каждый раз переживая своё прошлое.

Правда, в последний раз его сильно подморозили. Посадили на пластиковый стул и оставили одного. Ветер был пронизывающий. Он сидел и дрожал. Вспомнили, когда появился мэр. Помогли привстать, поздороваться. Затем репортёры, как всегда... Не слушают... Прерывают на полуслове... Всё быстрее, быстрее... Никто из них и не поинтересовался, как он себя чувствует. А его буквально колотило от

холода. И несколько дней потом он провёл в постели с температурой и кашлем.

Да, вспоминали нечасто. Всё свободное время он в основном проводил в компании сиделок, которые работали посменно и в вечерние часы покидали его квартиру. Далее для него начиналась мука. Он оставался один в пустом, безлюдном пространстве. От этого одиночества хотелось выть.

Всю жизнь занимавшийся интеллектуальным трудом, профессор, доктор философских наук, он не выносил умственного бездействия. Его мозг требовал постоянной подпитки. И хотя немного спасали книги и свежие газеты, ему надо было не только брать, но и отдавать. Не хватало живого общения с заинтересованным собеседником. Хотелось рассказывать и рассказывать о пережитом. Пока жив, поскольку в его возрасте каждый прожитый день был подвигом.

Неужели никому не интересна правда о войне? То, что он видел собственными глазами? Сколько лжи и грязи заполонило экраны телевизора. Сколько сомнительных книг и публикаций выпущено о том времени. Сколько непотребностей вылезло наружу. Одну из таких статей не так давно он прочитал в своей любимой «Литературке». «Правда солдата Никулина» — так, кажется, она называлась. Он чи-

тал и задыхался от возмущения. Ну разве можно печатать такое!

Вот он действительно никогда не врал. Говорил только правду. Всегда. Всю жизнь. В глаза. Любому. Таков характер. Такая закалка. Военная. «Жить не по лжи» — хороший девиз, жаль, принадлежит одному из самых подлых людей современности. Если бы конкретно его, Евгения Ануфриева, спросили, какое напутствие он хотел бы адресовать потомкам, он бы ответил: «Живите честно!» Это было его кредо. Прислушается ли кто-нибудь к нему сегодня? Вряд ли. Времена другие...

— Евгений Александрович, вы слышите? Вас спрашивают, — повторила Галина.

Ах, да! Он взял трубку.

— Алло.

— Здравствуйте, Евгений Александрович.

Хотя Ануфриев и пользовался слуховым аппаратом, но сумел различить приятный мужской голос.

— Здравствуйте, — ответил он.

— Моя фамилия Аверкин. Не могли бы мы с вами встретиться? Я хочу подробнее узнать о своём дяде. Я знаю, вы воевали вместе с ним...

«ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ»

— Какая ночь! Это просто сказка!

Тоня подпрыгивала от радости, цепко ухватившись за его руку. Подол её платица развевался от этих движений, оголяя колени. Белые туфельки гармонировали с тканью в мелкий горошек, а каштановые локоны делали и без того миленькое личико настолько очаровательным, что он постоянно пытался найти предлог приблизиться к ней на расстояние дыхания, а может, и ближе.

Сегодня уже третья ночь, которую они, гуляя по Москве, проводят вместе. Третья после успешной сдачи экзаменов и получения аттестата о среднем образовании. Очередная тёплая июньская ночь. И ему кажется, что сегодня он непременно должен её поцеловать.

— Даже не верится, что всё позади! Все эти экзамены, переживания, зубрёжки... — Тоня кружила и кружила не переставая. — Ты хоть понимаешь, что мы вступаем во взрослую

жизнь? Настоящую взрослую жизнь! Где все решения предстоит принимать самим!

— Эка невидаль! Получается, я чуть ли не с семи лет живу взрослой жизнью. — Он улыбнулся, чтобы его слова не выглядели бахвальством.

— А и правда, Жень, расскажи о своей семье. Я только слышала, что ты с малых лет без родителей. Каково оно? Трудно небось?

«Какая она наивная, эта Тонька, — подумал он, — наивная и непосредственная». Может, этим она и подкупила его. А ещё лёгким характером и неугасимым оптимизмом.

— Пойдём-ка присядем, — предложила она, видя, как ухажёр от такого предложения слегка сконфузился. — Давай рассказывай! Мне правда интересно.

Это прозвучало так доверительно, что он невольно сдался.

— Маму я вообще не помню. Два года мне было, когда её не стало. Знаю, что трудолюбивая была очень. Да у нас вся семья трудолюбивая. Мы же родом из-подо Ржева, тверские. Дед с бабкой ещё в крепостных ходили, но потом выкупили у помещика землю и такую ферму отгрохали, ты бы видела! Хутор практически! И всё своим трудом. Пять коров, три лошади, овцы, пасека своя. Двухэтажный дом.

— Ух, куркули какие! — незлобно сказала Тоня.

Но, видно, эта тема для Жени была болезненной.

— Какие ж куркули? Нас, почитай: дед, бабушка, мать с отцом и девять детей от мала до велика. И все с утра до вечера либо в поле, либо на хозяйстве. Всё своим горбом. А после революции свою же землю и свой же хутор пришлось у государства взять в аренду. Второй этаж в доме заняла коммуна. Так вот представь, наши старшие уже с поля идут, а коммунары только глаза продирают. Из-за них небось отец-то и пошёл по этапу. Кто-то во время продрозвёрстки в его зерно грязь подсыпал. Сам бы он никогда такого не сделал. Пять лет с конфискацией. 1928 год. Вот с этого времени я и остался без родителей. Отец хотя и вернулся потом, но прожил недолго.

— Так ты, наверное, должен люто ненавидеть советскую власть?

— По логике, вроде так, но на самом деле в нашей семье этот вопрос даже не поднимался. Все всё понимали. Лес рубят — щепки летят. А власть — она народная, своя власть. Как её не любить? Мы всегда были патриотами.

Женя вдруг осознал, что от рассказа об истории семьи незаметно перешёл к пролетарским лозунгам и решил немедленно исправиться.

— А знаешь, какие у меня братья и сёстры? Это же просто уникальные люди. Все получили

воспитание и хорошее образование, достигли больших успехов. Старший брат, Иван, который мне практически вместо отца, так как разница у нас в возрасте двадцать лет, окончил МВТУ. Инженер-строитель. Правда, не могу тебе сказать, каким он строительством занимается, это закрытая информация. Второй брат, Иннокентий, тоже инженер, только литейщик, на «Станколите». Третий — Николай — геодезист. Ну и сёстры от них не отстают. Татьяна окончила сельскохозяйственный институт, Шура — педагог, а ещё Мария, Тоня, Нина... Что-то я тебя совсем заговорил. Ты небось из вежливости поинтересовалась, а я и давай распинаться.

— Ну что ты, что ты, очень интересно!

— Да? — усмехнулся Женя. — А хочешь, скажу, к чему меня братья пристрастили?

— Угу, — почти по-детски заморгала глазами подружка.

— К охоте! — многозначительно сказал Женя. Было видно, что он придаёт этому очень важное значение и считает чуть ли не главным достижением для своего молодого возраста.

— Мы и на уток, и на зайцев ходили. Знаешь, как сложно в бегущего зайца попасть, когда он из стороны в сторону по кочкам шарается? А в утку? Надо уметь высчитывать траекторию её полёта. Я и белок бил. Не в глаз, конечно, но добывал.

— Ой, Жень, они же все такие милые. Как можно? Жалко же!

— Знаешь что, Тонь, это извечное мужское занятие. Можно сказать, самая древняя мужская профессия. Мужчина — всегда добытчик. Да и навыки, между прочим, очень даже могут пригодиться, всё-таки в беспокойное время живём. А природу я не меньше любого другого люблю. А подмосковную природу так вообще обожаю.

— Слушай, Жень, — Тоня вдруг решила перевести разговор в другое русло, — давно хотела тебя спросить... Не знаю, удобно ли?

— Валяй, чего там... — Жене было хорошо с ней, не напряжно. По крайней мере, какого-то подвоха с её стороны ждать не приходилось.

— Что у тебя с пальцем? Чем это ты его?

— Ах, это... — сказал Женя в задумчивости. Он даже демонстративно повертел перед глазами указательным пальцем правой руки. Фаланга была укороченной и слегка искривлённой. — Да уж, красивого мало...

— Да я не об этом, ты не подумай! Больно, наверное, было?

— А я и не помню даже. Мне ещё и двух лет не было, когда это случилось. Говорят, кричал как оглашенный. Ну ещё бы!

— А что произошло-то?

— Что произошло? А вот ты, к примеру, знаешь, что такое медогонка?

— Нет.

— Ну да, откуда тебе? Ты ж городская, — ухмыльнулся он незлобно. — Это такой металлический бак для отжимания мёда. Я же тебе рассказывал, что у нас пасека была. Так вот, к баку приделана ручка, при вращении которой центробежная сила выталкивает из сот мёд. Но, кроме ручки, в этом баке ещё есть шестерёнки, и все такие красивые. Я в детстве очень любил наблюдать за их вращением, а однажды просто не сдержался и сунул палец. А брат знай себе крутит, не сразу остановился.

Тоня даже поморщилась, представив эту жуткую картину. Женя, заметив это, решил приободрить подружку.

— Но ничего, как видишь, жив-здоров, — сказал он весело. — Даже неплохим охотником заделался.

— Как же ты стреляешь? Это же как раз этим пальцем и надо давить...

— Приспособился другим, средним. Вот, правда, само ружьё сложновато на двух оставшихся удерживать, но при определённой сноровке и с этим можно справиться.

Женя улыбался открытой улыбкой. Ему нравилось выглядеть перед сверстницей, к которой он испытывал симпатию, не лишённым мужества человеком.

— Слушай, я о тебе так много узнала. А то обычно всё хиханьки да хаханьки. А сегодня ты мне открылся совершенно другим. Интересным. Глубоким. Надёжным.

Глаза молодых людей встретились. Он разглядел в её взгляде что-то такое, что и без слов заставляет следовать взаимному притяжению...

Блаженство первого поцелуя прервал грубый старческий голос:

— Эй вы, голубки! Ишь ты, расселись тут! Ещё неприличия всякие вытворяют. А ну кыш, пока не наподдал!

Парочка вскочила и понеслась от свирепого ревнителя нравов, который хоть и махал им вслед метлой, но делал это без злобы и даже посмеивался в густые прокуренные усы.

Женька Ануфриев был не из тех, кто пасовал в подобных ситуациях. При других обстоятельствах он бы нашёл что ответить напустившему на себя суровость дворнику, но тут сработали молодецкое озорство и солидарность с не на шутку испугавшейся спутницей.

Пробежав не меньше квартала, Женя и Тоня остановились и на сбивчивом дыхании стали в голос смеяться.

— Хорошо провели время, — немного отдышавшись, сказал Женя.

— Ага, и даже с приключениями, — как всегда, сверкнула белозубой улыбкой Тоня.